

Научно-популярная серия РФФИ

П. А. Куценков

Догоны, XXI век

Путевые записки
шуточного родственника

2020

Петр Куценков

**Догоны, XXI век. Путевые
записки шуточного родственника**

«Нестор-История»

2020

УДК 394
ББК 26.89

Куценков П. А.

Догоны, XXI век. Путевые записки шуточного родственника /
П. А. Куценков — «Нестор-История», 2020

ISBN 978-5-4469-1819-5

Книга посвящена современной культуре догонов, едва ли не самого знаменитого народа Тропической Африки. Академически точные описания культуры и этнографии догонов и других народов Мали дополнены забавными бытовыми зарисовками малийского быта и нравов. Большое внимание в книге уделено описаниям жизни в тех деревнях, где побывал автор, их культуре и религии, а также памятникам изобразительного искусства и архитектуры. В книге критически анализируются стереотипы восприятия культуры догонов, порожденные преимущественно французской этнологической школой, а также показаны причины появления таких стереотипов. Книга написана в жанре путевых заметок: автор описывает дорогу от столицы Республики Мали Бамако до нагорья Бандиагара, с подробными экскурсами в историю каждого города и народа, через территорию которых пролегает путь в Страну догонов, причем в связи с историей и культурой самих догонов. Книга богато проиллюстрирована оригинальными по большей части фотографиями (4 карты, 106 черно-белых и 24 цветные иллюстрации), имеет хронологическую таблицу и указатель географических и этнических названий, клановых имен и имен собственных, а также список использованной литературы. Книга предназначена для историков и культурологов-африканистов, студентов и аспирантов, а также всех, кто интересуется историей, культурой и искусством Тропической Африки. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 394
ББК 26.89

ISBN 978-5-4469-1819-5

© Куценков П. А., 2020

© Нестор-История, 2020

Содержание

Предисловие	7
Москва – Константинополь – Бамако – Сегу	15
От Москвы до Бамако	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пётр Анатольевич Куценков

Догоны, XXI век. Путевые записки шуточного родственника

<...> мне случилось встретить у другого критика ту же, на мой взгляд, непростительную ошибку: он приписывал жестам и мимике африканца значение и смысл, которые они имеют для человека европейской культуры. Этот критик, француз, в статье в одном местном журнале, писал о знаменитой священной маске: «Обратите внимание на эти полуприкрытые веки, напряжённо сдвинутые брови, в болезненном экстазе сжатый рот...»

Это была чушь. Маска не выражала никаких иных чувств, кроме величественного равнодушия и презрения к людям. Если бы повстречавшаяся мне африканка глянула на меня так, я не усомнился бы в значении её взгляда.

Чинца Ачебе

Шуточное родство представляет собой специфические отношения, которые могут связывать отдельных людей, например некоторых родственников, или группы, например кланы, этнические группы, деревни, регионы, исторические области. Эти отношения выражаются, в частности, в ритуальном подшучивании, но могут также заключать в себе бракозапретные отношения или, наоборот, предпочтительность брака, обязанность оказывать помощь и т. д.

Е. В. Волкова

© Куценков П. А., 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Нестор-История
Санкт-Петербург
2021

Предисловие

Образ любого народа, создаваемый в этнографической литературе и в заметках путешественников, и реальность часто не совпадают. Русскому читателю не надо объяснять, насколько расходятся образ нашей культуры (как позитивный, так и негативный), существующий в мире, и реальная культура России. Поэтому полностью объективное представление о любом народе – только идеал, который всегда останется недостижимым.

Случается так, что ложный образ отражает суть культуры точнее, чем даже самые дотошные этнографические и исторические штудии. Поясим это на одном примере: был в доисламское время в Аравии знаменитый поэт – Имру-л-Кайс ибн Худжр ибн ал-Харис. Это он стал прообразом того самого Меджнуна мусульманской поэзии, о котором сказано:

Увидел Кайс вечернюю зарю
И стал в душе подобен янтарю.

Всегда считалось, что именно его, «Кайса из рода филархов», изгнанного в пустыню за убийство родича владыки химьяритов, великий император Юстиниан путём хитроумных интриг привёл к власти над племенем маадеев. Искусный в военном деле поэт возглавил поход в земли Сасанидов и одержал несколько блестящих побед. Но в 1927 году Гунар Олиндер опубликовал книгу, где доказал, что полководец Кайс – не тот Кайс, что в изгнании и в бою грезил о прекрасной Лейле, а совсем другой человек: некто Кайс ибн Салама ибн ал-Харис, внук знаменитого царя Неджда ал-Хариса ибн Амра ибн Худжра и праправнук основателя династии Кинда Худжра Акил а л-Мурара [Olinger, 1927, p. 114, 115]. Однако именно синкретический образ никогда не существовавшего Кайса-Меджнуна лучше всего отражает суть смутной эпохи на рубеже античности и Средних веков, когда в Древнем мире всё сдвинулось и перемешалось, когда поэты могли командовать армиями, а вожди племён свергали императоров. Поэтому-то в воображении последующих поколений оба Кайса слились в одну личность, ставшую символом того времени. Книга Олиндера была опубликована уже без малого сто лет назад, но образ Кайса остался в общественном сознании тем же, что и раньше.

Но есть культуры, о которых сложилось слишком уж искажённое представление. Это, к сожалению, относится и к догонам: побудительным мотивом к написанию этой книги стали именно вопиющие несоответствия между образом их культуры и реальным положением дел.

* * *

В марте 2015 и в январе 2016 г. я предпринял две экспедиции в Республику Мали на нагорье Бандиагара (плато Догон) в регионе Мопти Республики Мали. В 2017 и 2019 гг. ко мне присоединились Дарья Ванюкова, Ника Лаврентьева и Николай Жилин, биолог, фотограф и кинооператор экспедиции. Целью экспедиций было исследование эволюции традиционной культуры догонов в XXI в. и создание коллекции предметов материальной культуры и традиционного изобразительного искусства догонов для Музея антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Санкт-Петербург). Исследования проводились в деревнях Энде, Кани-Бонзон (Кани На), Кани Комболе и Багуру (район Банкасс), в деревне Семари (Самари) в округе Дуэнца, а также в деревне Тинтан (Тинтам) в округе Бандиагара. Тут следует дать общее представление о причинах, которые делают именно догонов важнейшим объектом этнологических и культурологических исследований.

Культура этого народа привлекла всеобщее внимание после выхода в свет книги французского этнолога Марселя Гриоля «Бог воды: беседы с Оготеммели» в 1948 г. [Griaule, 1948], но, разумеется, Страну догонов европейцы посещали и до Гриоля, правда, нечасто. Заметный след в историографии догонов оставило только путешествие лейтенанта французской службы Луи Деспляня, который в начале XX в. посетил нагорье Бандиагара. Он оставил обстоятельное описание своего путешествия под названием «Центральное принигерское¹ плато: археологическая и этнографическая миссия во Французском Судане» [Desplagnes, 1907]. К сожалению, многие привезённые им материалы до сих пор остаются неопубликованными. Побывал он и в деревне Энде (у Деспляня – *Энгем (Engem)*), причём записал и одну из версий предания об основании деревни [Desplagnes, 1907, p. 193], о чём мы очень подробно поговорим в своё время. Там же опубликованы и снимки старых кварталов Огоденгу и Энде-Во, какими они были в 1903–1906 гг. [Desplagnes, 1907, fig. 78, 222]. По фотографиям из книги Деспляня и другим снимкам начала прошлого века (илл. 2, 3 и цветная вклейка 1, 2) прекрасно видно, что старые, ныне заброшенные кварталы деревни практически не изменились с тех пор. Заметим, что достойно всяческого сожаления то, что обстоятельный труд Деспляня теперь практически забыт.

За десятилетия, прошедшие после публикации книги Гриоля, догоны, в известном смысле, стали эталоном африканской традиционности, а их культура превратилась в образец «архаичной» традиции. Но довольно быстро выяснилось, что слишком уж многие сведения, содержащиеся в классических трудах французской этнологической школы, не находят подтверждения. Так, ни одному исследователю после Гриоля не удалось обнаружить ничего, что хоть отдаленно напоминало бы собранные им мифы относительно спутников Сириуса; в монографии «Бледный лис» М. Гриоль и Ж. Дитерлен, рассказывая о миграции современных групп населения на нагорье Бандиагара (плато Догон), писали о деревне Кани На (Кани-Бонзон) (илл. 2, цветная вклейка 1) как о «ныне не существующей (*actuellement disparu*)» [Griaule, Dieterlen, 1991, p. 3]. Показательно, что эта ошибка не была ни исправлена, ни даже прокомментирована и в последнем издании 1991 г. (подробнее об этом см. в главе «Гриоль и другие»).

Как выяснилось, не соответствуют действительности и ставшие уже трюизмом рассуждения об исчезновении традиционной культуры догонов и/или о полной её коммерциализации. Столь же далеки от реальности рассуждения о полном подавлении традиционной религии исламом; не всегда точна информация о миграциях на нагорье Бандиагара (плато Догон), о времени основания деревень и т. д. Даже представления о географии Страны догонов не соответствуют действительности: ее территория вовсе не ограничена нагорьем Бандиагара и долиной Сено к югу от него, а простирается на запад практически до города Женне – древнейшего города всей Западной Африки (основан в III в. до н. э.). Иными словами, даже те сведения об этнографии догонов, что считаются абсолютно достоверными, на самом деле нередко нуждаются в существенной коррекции.

После 1991 г. граждане СССР и России неоднократно посещали Страну догонов. Но регулярные полевые исследования наши соотечественники там практически не проводили. Выдающийся знаток культуры и этнографии Мали В. Р. Арсеньев (1948–2010) изучал культуры народов этой страны, говорящих на языках манде; в привезённых им в МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеру) коллекциях по искусству и этнографии Мали имеются предметы культуры догонов, но число их невелико. Единственная экспедиция в Страну догонов была предпринята в 2008 г. старшим научным сотрудником Центра политической и социальной антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН А. Ю. Сиим

¹ На русский язык название этой книги часто переводится как «нигерийское», хотя к Нигерии она не имеет ни малейшего отношения. Имеется в виду р. Нигер, т. е. плато «принигерское».

(Москвитиной). В подаренной ею Кунсткамере коллекции № 7410 имеются предметы материальной культуры и искусства догонов: ритуальная лестница, жезл жреца и т. п.

Особого упоминания заслуживают те обстоятельства, что привели меня в Страну догонов. Так получилось, что меня давно связывают отношения побратимства с уроженцем деревни Энде, Мусой Амаду Гиндо (илл. 1), потомком вождя деревни (*ôgô*) по материнской, и вождя уезда (*lagan*) – по отцовской линии. Мы познакомились ещё в 1986 г., когда я работал в Музее народов Востока.

В один прекрасный день явился туда безукоризненно вежливый молодой человек по имени Муса Амаду Гиндо, и сообщил, что ему порекомендовали меня в качестве консультанта для работы над его диссертацией «Терминология систем родства бамана и русского языка». Выбор моей кандидатуры объяснялся тем, что уже в то время я имел некоторое представление о языке бамана и, разумеется, разбирался в русском языке и обычаях. Но, надо признать, что выбор этот был довольно случайным. В то время я был совершенно убеждён в том, что этнография догонов уже изучена французами вдоль и поперёк и делать там больше нечего. Я безоговорочно верил всем рассказам Гриоля про Оготеммели, про Номмо и прочие – как потом выяснилось – очень сомнительные вещи. И вот когда Муса собирался уже уходить, я сказал, что с этнографией догонов, видимо, уже всё ясно. Муса посмотрел на меня с некоторым сожалением и ответил: «Ничего там не ясно».

Вот с этого момента и надо вести отсчёт моих особых отношений с догонами. Уже позже, когда мы с Мусой писали наши диссертации и до бесконечности обсуждали разные вещи, имеющие отношение к малийским и русским обычаям и нравам, передо мной развернулась картина постоянных искажений культуры, причём таких, что во многом предопределили восприятие в Европе всех африканских культур, а также представления об архаичной культуре вообще, а равно и содержание самого понятия «архаика». Так и выяснилось, что с догонами всё непонятно и что туда надо ехать. Но именно в этот момент у нас приключился период войн и революций, и стало не до поездок.

Жизнь Мусы тоже была весьма разнообразна, причём настолько, что может послужить сюжетом весьма увлекательного романа (впрочем, писать он его будет сам). Если же коротко, то он рано покинул родную деревню и вернулся туда после долгого перерыва – около 30 лет, хотя его контакты с малой родиной никогда не прерывались. Люди относились с недоверием к его «фантастическим» рассказам об учёбе в России, для них столь же экзотической, как для нас Мали, и о том, что у него там есть брат. Когда же в марте 2015 г. мы вместе приехали в Энде, это было воспринято как доказательство того, что все рассказы Мусы о его жизни на протяжении 30 лет – истинная правда. Таким образом был подтверждён его статус и, соответственно, мой статус брата Мусы. Но это не значит, что я стал «своим» – по понятным причинам это невозможно в принципе. Тем не менее степень доверия ко мне была несколько выше, чем к другому чужаку.

Несколько слов следует сказать о форме этой книги. Дело в том, что передо мной стояла сложная задача – надо было совместить некоторую завлекательность с академической строгостью. Задача представлялась неразрешимой до тех пор, пока перед очередной поездкой в Мали с пересадкой в Константинополе я не прочитал книгу С. А. Иванова «В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям». Эта блестящая работа и помогла мне понять, как можно совместить такие разные вещи, как академическая строгость и лёгкий для восприятия стиль. За преподанный урок я С. А. Иванову чрезвычайно признателен и прошу его принять уверения в совершеннейшем восхищении его книгой.

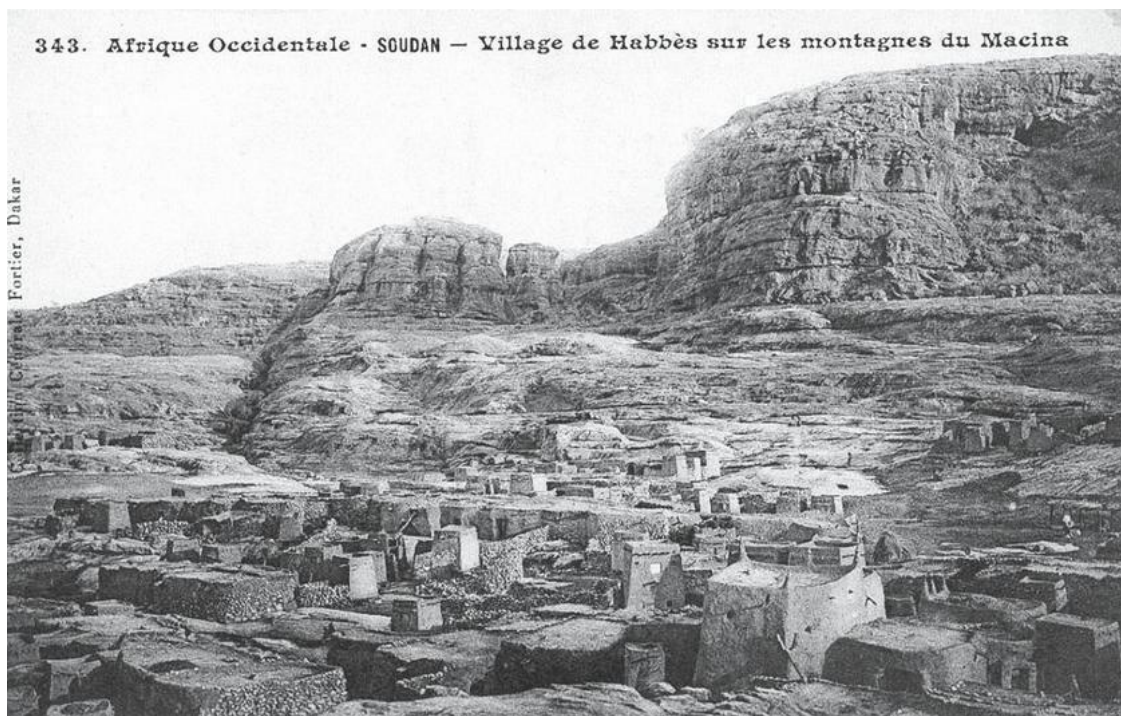
Есть ещё одна проблема, которая требует самого серьёзного обсуждения. В идеале этнограф не должен вмешиваться в жизнь изучаемого им народа. Но на деле это невозможно – так или иначе завязываются дружеские отношения с людьми, так или иначе вы оказываетесь втянуты в местные проблемы, и наступает момент, когда вы начинаете воспринимать жизнь

этого народа как свою. Так произошло и со мной: в один прекрасный день я понял, что мои мысли полностью заняты нехваткой тетрадей, письменных принадлежностей и мела в школе деревни Энде (илл. 4) и размышлениями о том, где их дешевле купить оптом – в Бамако или в Сегу. Так-то я и оказался втянут в жизнь догонов. Поэтому всё, что здесь написано, надо воспринимать очень критически – я уже не могу быть объективным. Мне очень нравится эта обаятельная культура, и я полностью попал под её влияние. В чём и винюсь перед читателем.

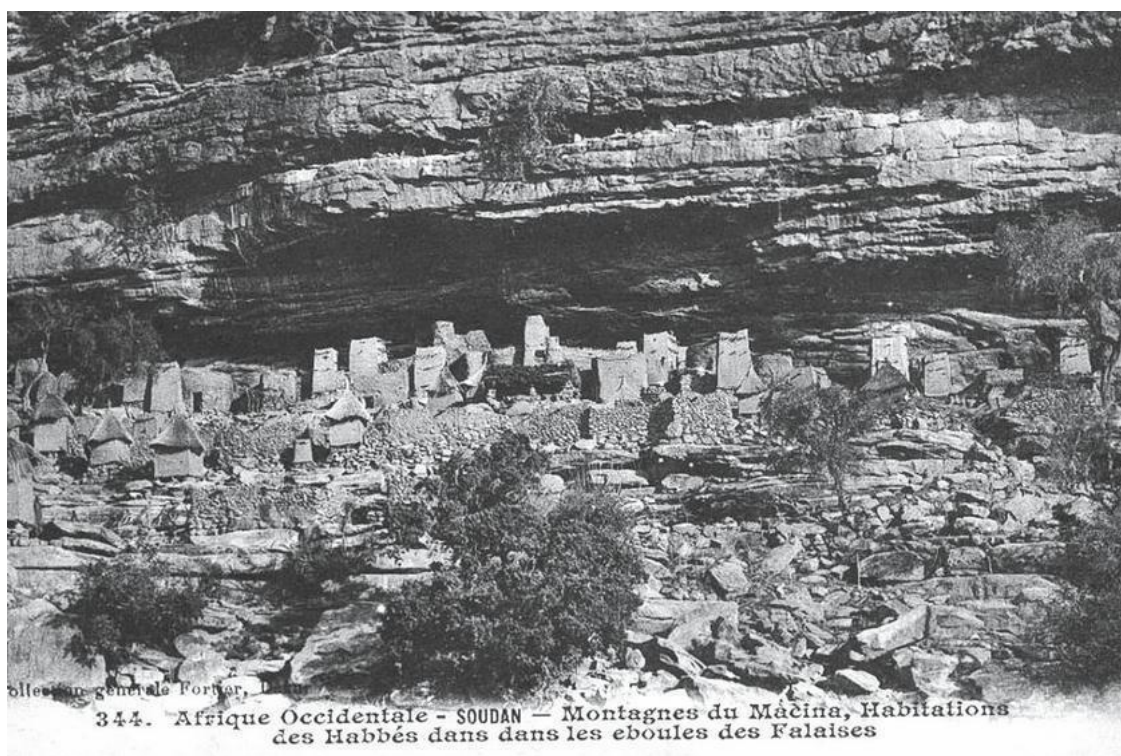
Я прошу принять мою самую глубокую признательность всем, без чьей помощи эти экспедиции не могли бы состояться, – дирекцию Института востоковедения РАН, министра национального образования Республики Мали доктора Кенекуо (Бартелеми) Того, Министерство культуры Республики Мали, посольство Республики Мали в РФ и лично второго советника посольства доктора Сагу Бинима, генерального директора Национального музея в Бамако доктора Самюэля Сидибэ, моего брата Мусу Амаду Гиндо, Бокари Гиндо, Ладжи Сиссе, Сулеймана Гиндо, Буреима Гандеба, Буреима Кассамбара и его сына Мамуду, Жюстена (Сейду) Гиндо, Домо Гиндо, Ансама Сеиба, Пабея Кассамбара и всех жителей Бамако, Женне, Мопти, Севаре, Энде, Кани-Бонзон, Багуру, Семари и Тинтан, стойчески выдерживавших мои бесконечные расспросы. И особую благодарность я хочу выразить Дарье Ванюковой, Нике Лаврентьевой и Николаю Жилину, которые вместе со мной разделили все малийские приключения и чьи тонкие наблюдения немало помогли мне в написании этой книги.

Илл. 1. Муса Амаду Гиндо и автор в г. Севаре. Март 2015 г.

Илл. 2. Деревня Кани-Бонзон. Фотография начала XX в. Снимок сделан, скорее всего, с крыши дома вождя Бонзона Того

Илл. 3. Старый квартал Энде-Во в Энде. Фотография начала XX в.

Илл. 4. Дети деревни Энде

* * *

Этническая территория догонов (*Pays dogon*, Страна догонов) находится на нагорье Бандиагара (другое название – «Плато Догон», *Plateau Dogon*) и прилегающих к нему равнинах на востоке южной части Республики Мали (регион Мопти, округа Мопти, Дженне, Бандиагара, Банкасс, Дуэнца и Коро), их численность составляет не более 800 тыс. человек (карта 1, 3). Из них на нагорье Бандиагара проживает постоянно не более 400 тыс. Доля догонов в населении Мали оценивается по-разному – от 2 до 6 %. Больших городов в Стране догонов нет, но по малийским масштабам Банкасс, Коро, Дуэнцу и Бандиагара можно считать довольно крупными населёнными пунктами. В непосредственной близости от этнической территории догонов находится г. Мопти – столица одноимённого региона, крупнейший экономический и культурный центр Республики Мали.

Ещё не так давно считалось, что догоны говорят на шести языках; потом их число постоянно росло, и теперь лингвисты насчитывают уже до тридцати (!) догонских языков [*Dogon and Bangime Linguistics*]. Возможно, что их ещё больше: в разговорах постоянно всплывают рассказы о каких-то удалённых от дорог маленьких деревнях, чьё население говорит непонятно на чём, – может быть, это диалекты уже известных языков, но так же вероятно, что это отдельные языки. Впрочем, их, быть может, и меньше – тут всё зависит от лингвистической классификации, а грань между языком и диалектом слишком неочевидна. Разница же между уже описанными языками догонов такова, что жители культурно-исторической области Бондум на северо-востоке нагорья Бандиагара (деревни Догани, Борко, Тинтан, Семари, Минти и др.) не понимают носителей языка тенкан (округ Банкасс на юго-западе скального уступа нагорья Бандиагара) – они используют при общении бамана, фульфульде или французский язык. Каждый догонский язык делится на множество диалектов: в маленьких деревнях, находящихся на расстоянии 4–10 км от Энде (округ Банкасс), нередко населённых выходцами из этой деревни, принадлежащими к тому же тиге (клану) Гиндо и имеющими в Энде родственников, произношение языка тенкан заметно отличается от «эталонного». Даже в самой деревне Энде жители

кварталов Огоденгу и Энде-Во говорят на разных диалектах. В школах при изучении своего собственного языка в одной деревне используют французский алфавит, а в соседней он дополнен фонетическими знаками, теми же, что используются в письме на бамана (ε; ρ; η; σ). В г. Коро (примерно 50 км к юго-востоку от Энде) местная FM-радиостанция вещает на языке тенкан, но он сильно отличается от того диалекта, на котором говорят в Энде.

Сильно разнятся и обычаи у разных групп догонов. Так, на юге нагорья кланы догонов экзогамны, а на севере – эндогамны. Там прослеживаются и отчётливые следы эпигамии в виде кузенного брака (д. Тинтан, информант Мамуду Кассамбара, племянник вождя деревни).

История Страны догонов изобилует белыми пятнами. Можно только утверждать с полной уверенностью, что люди периодически населяли её со времён палеолита (в периодизации, принятой для Африки, – с конца среднего и с начала позднего каменного века). Временами население полностью покидало эту территорию, что было связано с приходом засушливого климата: нагорье Бандиагара, где живут догоны, возвышается над окружающими равнинами и долиной Нигера на 100–500 м, и если в сезон дождей начинает выпадать мало осадков, быстро превращается в безводную пустыню. Любопытно, что древнейшая на момент написания книги в Африке керамика была обнаружена именно в Стране догонов [Ozainne and others, 2009, p. 41]: она датирована началом X тыс. до н. э., т. е. тем временем, которое на Ближнем Востоке называется «докерамическим неолитом». Но к современному населению нагорья Бандиагара эти находки, скорее всего, никакого отношения не имеют: те группы, из которых сформировались догоны, приходили на туда в течение только последних двух тысяч лет и, скорее всего, никак не связаны с теми людьми, что населяли его 12 тыс. лет назад.

Однако неправы те, кто думает, что самая седая археологическая древность и современные ремесленные изделия будут сильно различаться между собой. Ничего подобного! Глиняный черепок X тыс. до н. э. может выглядеть как современный, а тот, что сделан лет пятьдесят назад, напротив, может производить вполне первобытное впечатление. Каменные зернотёрки, которые до сих пор в ходу в догонских деревнях, выглядят точно так же, как и древние, ещё неолитические. Это, кстати, и создаёт иллюзию архаичности и культуры догонов, и вообще любой африканской культуры: многие формы, найденные когда-то, много тысячелетий назад, оказались настолько совершенными и удобными, что благополучно доживают до наших дней и не обнаруживают ни малейших признаков скорого исчезновения. Так, форма каменных топоров, которые встречаются в принигерской саванне, ничем не отличается от современных железных топоров. При этом неоднократно и радикально могла меняться структура общества, его идеология, а также этнический состав населения. Таким образом, в Стране догонов (как и в Мали, и, вероятно, во всей Тропической Африке) сохраняющаяся с глубокой древности вплоть до наших дней преемственность форм материальной культуры вовсе не всегда является признаком того, что данная этническая группа от века населяла места своего современного обитания.

До середины прошлого века догоны нагорья вели более или менее обособленный образ жизни. Сейчас о былой относительной изоляции сохранились только воспоминания как о временах, когда соседние народы считали их чрезвычайно опасными колдунами, а сами догоны рассказывали жуткие истории о целых деревнях голодных людоедов, подстерегавших по дороге несчастных путников [Dougnon, 2013]. Но называть Страну догонов «изолятом» неправомерно. К жителям долины Сено, лежащей к югу от нагорья, это определение вообще не может иметь никакого отношения, поскольку та никогда не имела естественных географических препятствий и всегда была открыта для контактов. Догоны никогда не были полностью отделены Великой китайской стеной от соседних народов и стран. Их история всегда была неотъемлемой частью истории Мали, Буркина-Фасо, Кот д'Ивуар, Гвинеи и Сенегала. Это подтверждают их устная традиция и материальная культура, о чём мы поговорим позже.

Заметим, кстати, что искажение в литературе подлинной истории и культуры догонов – только часть более общей проблемы: нередко отрицается то, что у африканских народов

вообще есть история. Так, по словам бывшего президента Франции Н. Саркози, Африка – континент с «нулевой исторической температурой» [Мильчина, 2009] (нелишне напомнить, что это было сказано именно о той части света, что является родиной всего человечества). Но следует признать, что у Н. Саркози для подобных умозаключений, оскорбительных по форме и неверных по существу, есть некоторые формальные основания: история, и прежде всего древняя история Африки, изучена плохо (что вовсе не означает как её отсутствия, так и полного отсутствия любых сведений о ней). Но есть и исключения, и к их числу как раз и принадлежит история Мали, которая по африканским меркам неплохо известна по археологическим и письменным источникам. Особняком стоит история г. Дженне, который в истории догонов сыграл очень важную роль (о ней мы поговорим в своё время).

Понятно, что в таких условиях, когда информации мало, а та, что имеется, чаще всего вызывает обоснованные сомнения, я буду придерживаться только тех фактов, истинность которых могу засвидетельствовать лично. Но это и не подробное этнографическое описание народа догоны: строго говоря, оно и невозможно, поскольку среди более чем двухсот догонских деревень вряд ли найдутся хоть две, чьи культуры полностью идентичны друг другу. Зато много деревень, чьи культуры едва ли не противоположны, в чём читатель легко убедится на примере южной деревни и Энде, и двух северных, Тинтан и Семари. А из этого следует, что этнограф, задавшийся такой целью, должен посетить все деревни догонов, и не просто посетить, а основательно вникнуть в их культуру. Понятно, что задача эта для одного человека непосильная.

Иными словами, автор намерен петь только про то, что сам видел. Я буду избегать широких и смелых обобщений, а равно и теоретических построений, основанных на непроверенных фактах и домыслах. Я не буду рассказывать об Африке «вообще» – нет, речь пойдёт только об одном народе и о дороге к этому народу. О всяких придуманных тайнах речь тоже идти не будет: поэтому я призываю всех, кто рассчитывает узнать про загадку Сириуса и прочую мистику, смело закрыть эту книгу и навсегда забыть о её существовании. Но если вас интересует то, как живут настоящие, а не выдуманные догоны, то милости просим – надеюсь, что мне удастся рассказать о них более или менее объективно.

Но не следует воспринимать эту книгу и как истину в последней инстанции – при всём моём старании описывать только то, что я сам видел и слышал, как всякий нормальный человек, описывал-то я образ событий, а он может сильно отличаться от того, что было на самом деле. Поговорка «Врёт, как очевидец» возникла не на пустом месте... К тому же всякий раз после возвращения с нагорья я впадаю в настоящую депрессию, поскольку решительно ничего про догонов не знаю и в культуре их ничего не понимаю. Через некоторое время, конечно, приходит осознание того, что кое-что я всё-таки понимаю и знаю. Но эта «сезонная депрессия» служит хорошей прививкой от своеобразной «этнологической гордыни», приводящей некоторых коллег к убеждению в том, что они точно знают, какой «должна быть» культура какого-либо народа.

Тут ещё уместно будет напомнить, что никакой единой «африканской культуры» не существует – есть цивилизации Западной Африки, бассейна реки Конго, Эфиопии, Южной Африки и т. д., и они очень разные. Внутри этих цивилизаций существуют культуры отдельных народов, и каждая из них подразделяется на субкультуры отдельных деревень, их кварталов, кланов, семей и т. д., в чём мы легко убедимся на примере догонов.

Москва – Константинополь – Бамако – Сегу

От Москвы до Бамако

Прямых рейсов от Москвы до Бамако нет. Добраться туда проще всего через Париж, Касабланку, Константинополь и Алжир. Есть и другие маршруты, но они длиннее и дороже. Вне зависимости от того, какой путь вы выберете, по дороге в Бамако или обратно вам предстоит длительное ожидание в аэропорту, которое можно использовать с толком: для граждан России в Турции и Марокко виза не нужна, и, если в запасе есть 10–15 часов, можно погулять по Константинополю или Касабланке. Если же у вас есть шенгенская виза, то ничто не помешает вам провести несколько часов в Париже. На мой взгляд, самый интересный из этих трёх городов – Константинополь. К тому же на карте видно, что путь из Москвы до Бамако по этому маршруту представляет собой почти прямую линию – а из этого следует, что он самый дешёвый. Правда, есть ещё один маршрут, *Ethiopian Airlines* через Аддис-Абебу. Он, наверное, ещё дешевле, но при этом мучительно долгий: около семи часов до столицы Эфиопии, там пересадка (три часа), и ещё семь часов до Бамако.

Turkish Airlines – надёжная авиакомпания. Самолёты летают по расписанию, забастовок не бывает, а багаж, как правило, не теряют. Но, как известно, в каждом правиле неизбежно образуются исключения...

31 декабря 2016 г. всё пошло не по плану. Началось с того, что уже во Внуково рейс задержался на полтора часа «в связи с поздним прибытием самолёта». В Константинополе, оказывается, случилась снежная буря, из-за которой аэропорт «Ататюрк» был парализован. Там нас продержали в самолёте около часа, прежде чем мы смогли выйти.

Константинополь в снегу – зрелище сюрреалистическое. В парке Археологического музея античные и византийские капители и саркофаги завалены вполне соразмерными сугробами так, будто бы дело происходило где-нибудь в Твери (илл. 5). Знающие люди утверждают, что подобное случалось в последний раз то ли при Ираклии, то ли при Льве Исавре, что, между прочим, привело в 718 г. к гибели осаждавшего город арабского флота, да к такой, что больше арабы к Константинополю и не подступались. На сей раз никакой флот не погиб, но на улицах лежало мокрое месиво, а население радостно играло в снежки. Аяя София была почти не видна сквозь летящий снег, и вокруг неё бродили сиротливые группки промокших до нитки туристов.

Илл. 5. Парк Археологического музея в снегу. Стамбул, 31 декабря 2015 г.

В моём распоряжении было больше десяти часов, и я хотел было использовать их, чтобы осмотреть самую византийскую часть современного Стамбула – ту, что находится в треугольнике, образованным акведуком Валенса, церковью Сергия и Вакха и Готской колонной. Но погода, мягко говоря, прогулкам не благоприятствовала, и пришлось ограничиться Археологическим музеем, две трети которого оказалась закрыты на вечную реставрацию, Цистерной Базилика и Св. Ириной (тоже закрытой), промокнуть и вернуться в аэропорт. Там был хаос: информационные табло показывали взаимоисключающие друг друга сведения, а толпы пассажиров слонялись между кафе в центре аэропорта и терминалами, откуда, согласно посадочным талонам, должны были улететь (но не улетали) их рейсы.

Надо заметить, что оказался я в Константинополе в момент наибольшего обострения российско-турецких отношений, вызванного гибелью нашего лётчика, сбитого турками над Сирией. Это печальное обстоятельство самым пагубным образом отразилось на психике местного населения: на улице меня поймал какой-то дядька и начал рассказывать о том, что некая женщина ему сообщила, будто бы в Москве один кабачок стоит 10 долларов (Путин приказал). На мои робкие замечания, что я таких платиновых кабачков не припомню, он не реагировал. Остановить поток дядькиного сознания удалось только после того, как я, строго насупив брови, извлёк из кармана записную книжку и потребовал назвать имя и фамилию той женщины, её девичью фамилию, адрес, номер телефона, электронный адрес и номер паспорта, а также цель её пребывания в России, и побыстрее. Дядька самоуничтожился... К слову, в декабре 2017 г. ничего подобного уже не было. Но не было и туристов, кроме китайцев и японцев, а если и попадались лица североευропейского типа, то обязательно слышалась русская речь.

Посадка на рейс в Бамако задержалась на два часа, а потом ещё два часа мы сидели в самолете. Наконец полетели. В Ниамее большая часть пассажиров вышла (что возымело самые роковые последствия) и сменился экипаж. В конце концов прилетели и в Бамако (от Ниамея полтора часа). После получасового ожидания багажа по транспортёру выплыл одинокий чемодан единственной пассажирки, севшей в Ниамее. После ещё примерно часового ожидания вышел совершенно потерянный служащий аэропорта и сообщил, что багажа в самолёте нет. Его выгрузили в Ниамее.

Но и это ещё не всё. На следующий день мы с Бокари Гиндо отправились в бюро турецкой авиакомпании. Но там никого не было. Офис был не просто закрыт, но даже опечатан, а служащие исчезли: они растворились где-то в принигерской саванне. Мы прождали час, а потом поехали в Бамако в головной офис. Надо ли объяснять, что по указанному адресу мы его не нашли? Но как человек более или менее справедливый, я должен отметить, что это был един-

ственный случай. К тому же кормят турки вполне прилично (гораздо лучше, чем *Air France*, но немного хуже, чем *Royal Air Maroc*), и стюардессы у них премиленькие – в отличие от альтернативно привлекательных и политкорректных стюардов *Air France*.

В Бамако меня встречал мой друг, консультант и проводник Бокари Гиндо, который из-за ромейской неразберихи провёл в аэропорту «Сену» всю новогоднюю ночь, отчего я до сих пор чувствую себя виноватым перед ним. Между тем в багаже у меня было много очень нужных вещей: подарки жителям деревни Энде, нож, фонарь, медикаменты, вся одежда и штатив для фотоаппарата. С потерей багажа была связана досаднейшая задержка: нам пришлось впустую провести несколько дней в Бамако. Багаж за эти дни так и не прибыл – я получил его уже после возвращения из Страны догонов.

В результате этой проволочки мы выехали из Бамако с опозданием на три дня, а на базаре пришлось покупать какие-то подозрительные штаны и прочую мелочь. Но одежды было мало, и через две недели, проведённых в Мали, я был похож на убеждённого бомжа, сиречь клошара – поскольку Мали страна франкоязычная. В довершение ко всему 5 января пошёл дождь (в это время года явление в Мали невиданное), и шёл целых два дня.

* * *

Бамако – город и старый, и новый. Первые поселения там появились ещё в позднем каменном веке, но городом он стал в XVIII в. Старейший квартал столицы Мали называется *Bagadani*, т. е. «маленький Багдад», – это говорит о том, что Бамако, подобно многим средневековым городам, сложился вокруг рынка, куда доставляли товары даже из самого Багдада. Название города переводят по-разному – как «спина крокодила» или «река крокодилов» (и то, и другое произносится *bata kɔ*, *batakɔ* – яз. *бамананкан*).

В столице Мали всё дорого, грязно от перенаселённости и суматошно из-за огромного количества мотороллеров. Самое же страшное бедствие на дороге – малийская красавица на мотороллере. Дело в том, что, во-первых, все они действительно красавицы, и этим беззащитно пользуются; во-вторых, женщины и дети в Мали – существа неприкосновенные. Поэтому малийки вытворяют на дороге всё, что им заблагорассудится. Это надо понимать в том смысле, что водительских прав у них нет, а полиция с ними ничего поделать не может. Одно время по телевидению даже показывали социальную рекламу относительно пользы, проистекающей от получения прав, но, по-моему, она не очень-то помогла. На самом старом мосту через Нигер, который так и называется – «Мост мучеников» – регулярно образуются весьма солидные пробки, правда, несравнимые с московскими.

За последние десятилетия город сильно разросся по обоим берегам Нигера на восток и на запад, потеснив деревни рыболовов-бозо (один из старых районов Бамако называется *Bozola*, т. е. «место, где живут бозо»). В новых районах нормальных дорог нет, и случаются постоянные перебои с электричеством, а на левом, высоком берегу Нигера – и с водой. Любопытно, что Бокари Гиндо одно время жил рядом с домом президента Мали Ибрагима Бубакара Кейта, который был свергнут в результате военного переворота 18–19 августа 2020 г. Пока тот ещё не стал президентом, электричество во всём квартале периодически отключали и будущий президент сидел в потёмках как все. После того, как г-н Кейта был избран, он не стал переезжать в официальную резиденцию и остался жить в своём доме. Отключения прекратились, за что Бокари и все жители квартала были г-ну президенту очень признательны.

Несмотря на эти недостатки, Бамако не лишён обаяния – мне он нравится, а особенно нравятся его приветливые обитатели с их великолепным чувством юмора. К тому же там есть на что посмотреть. Во-первых, это Национальный музей, заслуженно считающийся одним из лучших (если не лучшим) музеем Западной Африки. Экспозиция его делится на три части: археологическую, где можно увидеть древние терракоты Дженне-джено, отлично оформлен-

ную этнографическую экспозицию, и постоянно действующую выставку малийских тканей X–XX вв. Последняя в контексте этой книги представляет особый интерес, поскольку там выставлены фрагменты тканей теллем – предшественников догонов, населявших скальный уступ Бандиагара с X до начала XVI в. В парке музея есть модели выдающихся архитектурных памятников Мали (илл. 6), что очень удобно: за одну поездку в Мали увидеть их все невозможно, а некоторые сейчас и вовсе недоступны из-за войны на северо-востоке страны.

Илл. 6. Макет мавзолея Аскии Сонгаи в Гао (1495) в парке Национального музея, Бамако

Работают там весьма знающие экскурсоводы, владеющие английским языком – что в Мали редкость. Надо заметить, что у всех малийских гидов есть одно общее качество: они великолепно, в мельчайших деталях знают историю и этнографию своего народа, но о других могут быть осведомлены довольно-таки поверхностно – во всяком случае, большая часть того, что они рассказывают, почерпнута из этнографической литературы, по преимуществу французской (со всеми вытекающими отсюда последствиями, о чём речь пойдёт ниже). Причины такого неведения кроются в культуре Мали, и мы поговорим о них тоже немного позже. В музее имеется бутик, где можно приобрести сувениры, книги по истории и культуре Мали (к сожалению, очень дорогие), а также специфически малийские продукты: мёд и масло карите (ши). Есть там и кафе (очень дорогое), где можно попробовать национальные блюда. Представлено в музее и современное малийское искусство (илл. 7).

Илл. 7. Инсталляция во дворе Национального музея в Бамако. Мы с Бокари Гиндо назвали её «Зомби-такси»

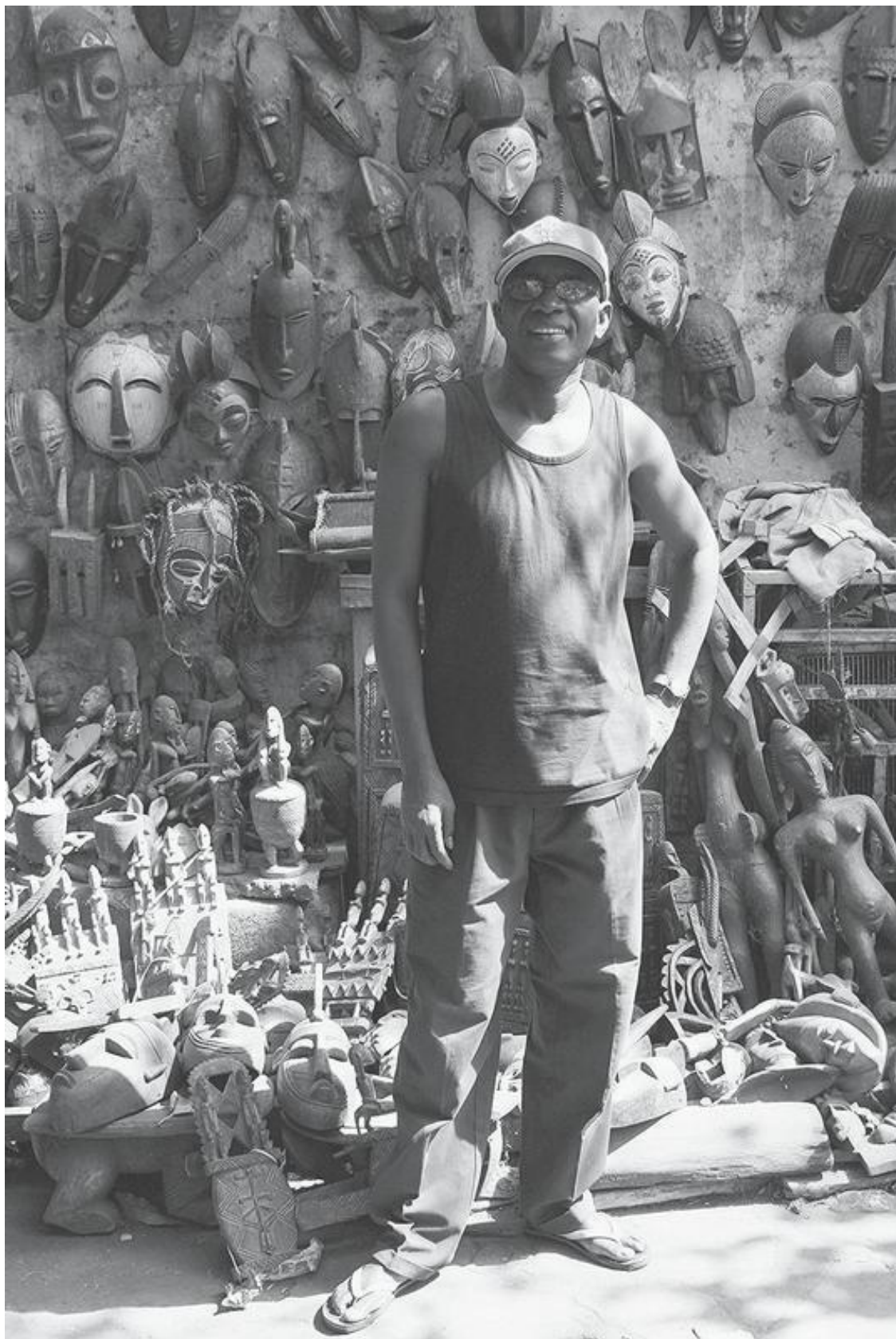
Что касается еды, то в Мали она простая, вкусная и здоровая. Все блюда, которые состоят из риса, «то» (варёное просо), кускуса или вполне европейских макарон с каким-либо соусом, тщательно проварены и прожарены (в отличие, например, от Дели, в Бамако можно без опаски есть прямо на улицах). Что касается соусов, то в Мали их великое множество, причём весьма экзотических – например соус из плодов баобаба. Все они готовятся нейтральными – они не острые и не солёные, но на столе стоят различные специи, и вы можете сами разнообразить свою еду. Среди самих малийцев самое распространённое блюдо – «то», варёное африканское просо. Оно представляет собой клейкую субстанцию сероватого цвета, которую без приправ есть невозможно (чистое то ужаснее английского порриджа, и даже гораздо). Но с соусами то преобразуется в удивительно вкусное блюдо. Следует также упомянуть очень приятный местный рис и миль (сорго) – по вкусу он немного напоминает гречку.

Надо заметить, что французский «*petit déjeuner*» в Мали прижился: ранним утром в городах открываются многочисленные булочные, где торгуют очень хорошим багетом. В деревнях багета нет, но его заменяют разные пончики, булочки и т. д., которые жарятся в масле и подаются на завтрак, приправленные местным мёдом. А мёд в Мали замечательный – особенно баобабовый, и лучший такой мёд можно купить в городе Сегу. В Бамако есть китайские и корейские рестораны, но их немного – пожалуй, из иностранной кулинарии широко представлены только сенегальские блюда (Сенегал является признанным лидером Западной Африки в области кулинарии). Что касается попыток приготовить малийские блюда в Москве, то они окончились неудачей: у нас тамошних специй нет. Сами живущие в России малийцы вынуждены делать то из манной крупы, что на его качестве отражается весьма пагубным образом.

Но вернёмся к достопримечательностям столицы Мали. Стоит также посетить Музей Бамако. Он не так эффектен, как Национальный музей, но тоже очень интересен – там, напри-

мер, выставлен гарпун, который больше всего похож на римский пилум, а также старые карты и фотографии, запечатлевшие давно исчезнувшую жизнь французской колонии. Наконец, обязательно надо зайти на Центральный рынок, а на нём – в *Maison d'artisanat*, где торгуют произведениями искусства. Сразу следует оговориться: цены там высокие, и нельзя рассчитывать на то, что вы сможете дёшево купить там настоящий шедевр. Шедевры-то там найти можно, но стоят они соответственно. Надо также избавиться от обычного для туристов заблуждения о том, что на рынке можно без особых усилий приобрести ритуальную скульптуру или маску. Во-первых, следует раз и навсегда уяснить: ни один психически здоровый малиец никогда не продаст *действующий* «фетиш». В деревнях, правда, можно найти скульптуры, которые были фетишами, но по каким-то причинам утратили свою силу (об этих причинах мы также поговорим в своё время). Во-вторых, далеко не вся традиционная скульптура обязательно связана с религией – большое количество изображений являются сугубо эстетическими объектами. Правда, их нетрудно превратить в «фетиш», но и об этом мы тоже поговорим позже, на примере тех фетишей, что были привезены нашей экспедицией в Россию и теперь находятся в Кунсткамере (Музей антропологии и этнографии Российской академии наук в Санкт-Петербурге), в Государственном музее Востока и Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

На рынке вам предложат копии ритуальных скульптур и масок, и многие сделаны теми же мастерами, которые режут из дерева ритуальные вещи. Качество их может быть разным – от грубых сувенирных поделок до настоящих шедевров, которые выглядят не хуже, чем экспонаты Национального музея и, на мой взгляд, являются прекрасными произведениями искусства. Мой приятель Усмани Дианне (илл. 8) со своими братьями торгует действительно хорошими копиями, причём он и не скрывает того, что это именно копии. У него можно заказать маску или скульптуру определённого типа – но для того чтобы доставить её в Бамако, потребуется время, обычно около двух недель.

Илл. 8. Усмани Дианне со своими сокровищами

Стоит также иметь в виду, что на рынке обязательно надо торговаться, даже в том случае, если цена кажется вполне приемлемой – в противном случае вы нанесёте продавцу оскорбление. Чем живописнее вы будете торговаться, тем лучше: цена может упасть в несколько раз, а

торговец и публика получают истинное удовольствие. По уверениям моего брата Мусы Амаду Гиндо, все цены на рынке надо сразу делить на пять – т. е. для того чтобы торг мог состояться, надо называть свою цену, которая как минимум в пять раз меньше той, что назвал торговец.

Ещё одна достопримечательность Центрального рынка в Бамако – тот ряд, где торгуют разными колдовскими принадлежностями. Следует иметь в виду, что торговцы крайне неодобрительно относятся к попыткам сфотографировать и их самих, и их жутковатый товар. Последний представляет собой черепа, высушенные части туш и шкуры разных животных. У меня сложилось впечатление, что преобладают шкуры и части тела пятнистой гиены, что в общем не удивительно: в мифологии и фольклоре народов Мали гиена играет ту же роль, что у нас медведь.

Находится этот ряд, как нарочно, напротив главной мечети Бамако. С нею связана одна забавная история. Рассказывают, что однажды король Марокко совершал государственный визит в Республику Мали. В пятницу его, как положено, повели в мечеть. Король проследил, поблагодарил малийцев за ласку и сказал, что было очень трогательно слышать Святую молитву на местном языке. Тут надобно пояснить, что замечание это было столь же любезным, сколь и абсурдным: Коран ниспослан на чистом арабском языке и перевод его на любой другой язык не имеет силы. Малийцы надулись и обиженно сообщили Его Величеству, что молитва была, как и положено, на арабском языке, но с местным произношением. В Бамако много других интересных мест, но поскольку нам предстоит неблизкий путь в Страну догонов, то задерживаться там слишком долго не стоит.

Путешествовать по Мали можно разными способами: в стране неплохо развит общественный транспорт. Так, от Бамако до Банкасса можно доехать на рейсовом автобусе, а от этого города уже рукой подать до деревень на скальном уступе Бандиагара – Кани-Бонзон, Кани Комболе, Энде и др. Правда, добираться до них придётся с оказией, возможно, даже и на осле. Можно взять напрокат машину, но это дорого: около 200 евро в сутки, а то и дороже, поскольку ездить по малийской глубинке можно только на внедорожнике. В городах же, благодаря лихости представительниц местного дамского сословия, приятных во всех отношениях, за руль лучше и не садиться. Поэтому разумнее всего будет заключить договор с местным туристическим агентством (список сертифицированных агентств и гидов есть на сайте Министерства культуры и туризма Мали).

Для малийского гида благополучие клиента – дело чести, а его обязанности жёстко регулируются малийским законодательством. Услуги гида будут стоить примерно столько же, сколько прокат внедорожника, но зато он избавит вас от множества мелких (и не очень) проблем: в стоимость тура будет входить всё, включая машину с опытным шофёром, еду и питьё (кроме спиртного), плату за посещение деревень (так принято), ночёвку в отелях по дороге, установление отношений с местным начальством и, главное, – объяснение тех вещей, которые будут вам совершенно непонятны. А вещей таких очень много, и, не зная малийской специфики, легко попасть впросак, а то и в историю.

В смысле попадания впросак очень характерен один случай: в Бамако в гостинице «Джамия» я встретил двух соотечественников-мотоциклистов, решивших проехать через всю Африку. Их похвальная и даже достойная восхищения смелость компенсировалась полным отсутствием более или менее адекватного представления об Африке. Один из них заявил, что все школы в Мали «заколочены». Спору нет: малийская система образования весьма далека от совершенства, но начальные школы теперь есть в большинстве деревень. Потом выяснилось, что наши мотоциклисты пересекли границу Мавритании и Мали 2 января, т. е. во время школьных каникул... Вот от этих несуразностей гид вас избавит. Он терпеливо объяснит всё, что будет вам непонятно, расскажет, как вести себя согласно правилам этикета, и возьмёт на себя решение множества бытовых проблем, к которым вы сами и не знали бы, как подступиться.

Что касается этикета, то социальные отношения в Мали сложны и строятся на строгом разведении обязанностей мужчин, женщин и детей, разных кастовых и возрастных групп, а также на родстве и свойстве, в том числе и «шуточном родстве», которое в известном смысле является краеугольным камнем малийской культуры и поэтому стало основой сюжета этой книги. Отношения между этими многочисленными группами, родственниками, свойственниками, возрастными сообществами и т. д. регулируются многочисленными правилами, о которых иностранец должен иметь хотя бы общее представление. Конечно, никому не придёт в голову упрекать его в том, что он их не знает их в совершенстве, особенно если этот иностранец перед визитом к *sekɔrɔbaw* («важным старикам», уважаемым людям) спрашивает, что он должен и чего не должен делать. Чтобы описать правила малийского этикета в деталях, потребовалась бы целая книга. Отметим только самое важное.

Основа правил поведения в Мали – «*mɔgɔya* (могойа)» и «*bɔnya* (бонья)». Первое слово переводят как «человечность», но также «вежливость»; второе – тоже «вежливость», но в более прикладном смысле, т. е. скорее это правила поведения за столом, во время визита к вождю деревни и т. д.

Таким образом, содержание этих понятий в Мали отличается от нашего: если в европейских культурах «человечность» и «этикет» обозначают совершенно разные вещи («он, конечно, хам, но очень добрый»), то для малийцев они описывают две стороны одного и того же явления: грубиян не может быть хорошим человеком.

Следует раз и навсегда уяснить: малийский этикет – вовсе не формальность. Пользуясь нашей системой понятий, его можно назвать «правилами социального поведения», нарушение которых ведёт к позору, что означает фактическое исключение индивида из социальной жизни. Это – самое плохое, что может случиться с человеком, и единственное, чего должен бояться мужчина. Бамбара так и говорят: «*Saya ka fisa mɔlo ye*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.